

Эта тушка косули весила сорок восемь фунтов вместе с шерстью и шкурой. Зверь этот был куда ценнее косули-рогача, так что хозяин ресторана «Процветание» оценил её по двадцать вэней за фунт, выплатив в общей сложности девятьсот шестьдесят вэней. Ещё у него были фазан и горлица: фазан — птица обычная, больших денег за неё не выручишь, а вот за горлицу платили чуть лучше. За обе дичи он получил восемьдесят вэней.

Девятьсот шестьдесят плюс восемьдесят — итого одна тысяча шестьдесят вэней. Поскольку тысяча вэней равнялась примерно одному лян серебра, хозяин просто отдал ему один слиток, а оставшиеся шестьдесят вэней доплатил медными монетами.

Состояние Шэнь Цзю пополнилось ещё на один лян!

Маленький лян серебра — это совсем не мало. Если взять за пример их деревню, где каждая семья старается обеспечивать себя сама, то при отсутствии болезней и бедствий расходов выходит немного. Для семьи из пяти человек одного ляна едва ли хватало на год жизни.

В прошлый раз за дичь он выручил лян, в этот раз — снова лян. Теперь у него в кармане целых два ляна!

От этой мысли на душе стало даже немного радостно.

Все необходимые повседневные товары он закупил ещё несколько дней назад, так что тратиться больше не пришлось. Шэнь Цзю лишь взял немного тушёного мяса, чтобы побаловать себя новинкой, и, закончив дела, не стал задерживаться — погнал воловью телегу обратно в деревню неспешным шагом.

Покачиваясь в медленно тащившейся телеге, он погрузился в раздумья.

Когда живот станет размером с пяти-шестимесячный, он точно больше не сможет ходить в горы на охоту. Да и когда ребёнок родится, он не сможет таскать младенца с собой в лесную чащу. На самом деле, даже когда малышу исполнится два или три года, брать его с собой в горы будет нельзя: дети слишком шумные и непоседливые, любой шорох — и добыча разлетится в стороны. Охота превратится в сущую муку.

Подумав об этом, он решил, что ему нужно подыскать другой источник дохода. Нельзя же вечно жить, проедая накопленные серебряные монеты.

Впрочем, спешить с этим не стоит, можно будет обдумать всё после родов.

А если молодой господин из поместья Гуйюнь объявится сам и проявит заботу о ребёнке, тогда с ним можно будет обсудить условия, и все нынешние тревоги разом испарятся.

Когда Шэнь Цзю встретил мясника Лю, тот радостно поприветствовал его:

— Брат Цзю, в деревне тебя больше никто не тронет. Сегодня ты показал, на что способен, и окончательно их приструнил. Теперь заживёшь спокойно. Человек должен уметь постоять за себя: я не говорю, что нужно быть злым, но и позволять вытирать об себя ноги нельзя. Некоторые в нашей деревне просто отвратительны: сами живут в нищете и злобу вымещают на тех, кто не может дать отпор. Как говорится, выбирают жертву послабее.

— Дядя Лю, я купил в городе немного тушёного мяса, говорят, вкус отменный, лучшая закуска к вину. Попробуй, а я из-за беременности не могу приложиться к чарке, иначе обязательно выпил бы с вами, — Шэнь Цзю заранее разделил мясо на две части и одну протянул мяснику.

Лю никак не ожидал угощения. Он простодушно рассмеялся, немного смутившись:

— Ну что ты, брат Цзю, такой вежливый? — говоря это, он всё же протянул руку и принял свёрток. — Это из лавки Сюя? Я сразу по запаху узнал! У них тушёное мясо славится на всю округу, только вот цена кусается, жалко денег.

— Аромат и правда чудесный. Я сперва не собирался брать, но запах так поманил, что не удержался, — Шэнь Цзю перекинулся с мясником ещё парой фраз и направился к дому.

Едва дойдя до порога, он увидел человека, прикорнувшего в углу у стены. Подойдя ближе, Шэнь Цзю узнал Чжан Сунцзы: тот спал, подложив руку под голову, а рядом лежал мешок с рисом.

В отличном настроении Шэнь Цзю сорвал стебелёк лисохвоста и пощекотал Чжан Сунцзы в носу.

Это сработало безотказно: Чжан Сунцзы тут же проснулся и принялся чихать. Он уже собирался было разозлиться, но, увидев перед собой Шэнь Цзю — этого дьявола во плоти, — мгновенно сменил гнев на подобоострастную улыбку:

— Брат Цзю, ты вернулся! Я вот рис и яйца тебе принёс.

— Хорошо поработал, — Шэнь Цзю не поскупился на похвалу. Открыв дверь кухни, он снял с плеч корзину, достал свёрток с мясом, развернул промасленную бумагу и, отрезав кусок размером с ладонь, протянул его следовавшему за ним Чжан Сунцзы. — Держи, попробуй, это из лавки Сюя.

Услышав про лавку Сюя, глаза Чжан Сунцзы засияли. Он поспешно вывалил рис и яйца на плиту, вытер правую руку о штаны и, расплывшись в довольной улыбке, принял мясо. Жуя, он восторженно приговаривал:

— Вкусно! Как же вкусно! Брат Цзю, ты настоящий святой человек!

Тьфу, стоит дать ему кусок мяса, как он тут же называет тебя святым. Видно, Чжан Сунцзы редко кого хвалит, привык только хулиганить, вот и слова благодарности звучат так топорно.

Шэнь Цзю посмотрел на его горящие глаза и жалкий вид, и поспешил его спроводить:

— Иди, иди отсюда, и не мелькай лишний раз перед глазами.

— Брат Цзю, если что понадобится — только скажи! Ради тебя я хоть в огонь, хоть в воду, слова поперёк не скажу! — доев мясо, Чжан Сунцзы причмокнул и даже облизнул пальцы.

— Проваливай! — Шэнь Цзю несильно пнул его по бедру. Этот человек был до того неопрятным, что у Шэнь Цзю от одного вида к горлу подступила тошнота, вызванная беременностью.

Чжан Сунцзы, хихикая, выскочил из кухни, но, остановившись в дверях, просунул голову обратно:

— Брат Цзю, я серьёзно, от чистого сердца! Если что нужно — сразу зови. Только вот... если я всё хорошо сделаю, ты мне хоть немного вкусенького со стола подкинь, ладно? — сказав это, он припустил так, что только пятки засверкали.

Шэнь Цзю подумал, что Чжан Сунцзы — настоящий талант!

<http://bllate.org/book/19383/1895903>